

УДК 821.162.1.09 Лем С.
ББК 83.3(4Пол)-8 Лем С.
О-66

Wojciech Orliński
LEM. ŻYCIE NIE Z TEJ ZIEMI
Copyright © by Wojciech Orliński, 2017

Разработка дизайна серии — *Андрей Сауков*

Иллюстрация на переплете *Вячеслава Коробейникова*

Перевод с польского — *Ирина Шевченко*

Научный редактор — *Владимир Борисов*

Орлинский, Войцех.

О-66 Лем. Жизнь на другой Земле / Войцех Орлинский ;
[пер. с пол. И. Шевченко]. — Москва : Эксмо, 2019. —
480 с.

ISBN 978-5-04-101996-9

«Лем. Жизнь на другой Земле» — первая польская биография. Пользуясь ранее неопубликованными источниками, Орлинский раскрывает большие и маленькие, серьезные и забавные секреты жизни писателя. Как Лем пережил Холокост? Верил ли он когда-нибудь в коммунизм? На что потратил свой гонорар за «Магелланово облако»? Сколько раз Лем ездил в СССР?

Почему Лем назвал Тарковского дураком? Как дружба с Филипом К. Диком переросла в ненависть? Чем отличались рукописи романов «Глас Господа», «Фиаско» и «Футурологический конгресс» от опубликованных вариантов? Что такое на самом деле «сепулька»?

УДК 821.162.1.09 Лем С.
ББК 83.3(4Пол)-8 Лем С.

© И. Шевченко, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101996-9

ЛЕМ.

Жизнь на другой Земле

**«Как будто я жил тогда на другой
Земле, среди других людей...»**

**СТАНИСЛАВ ЛЕМ
«Возвращение с Земли»**

Пролог

Feci, quod potui*

* Первая часть латинского выражения: *Feci, quod potui, faciant meliora potentes* — Я сделал всё, что мог, пусть те, кто сможет, сделают лучше. — *Прим. пер.*

Четыре утра, а скорее ночи. До рассвета ещё несколько долгих часов. Клины, далёкое предместье Кракова, скорее деревня, чем город, ещё спит. Ни одна собака не гавкает, ни один петух не кукарекает, ни одна корова не мычит.

Ни одна машина не едет. Пока соседи не начнут махать лопатами, никто не пройдёт, потому что ночью выпал снег. Единственная дорога связывает эти несколько домиков с цивилизацией — на карте города она громко именуется улицей, но на самом деле это просто просёлочная дорога, ответвление от трассы из Закопане — в данное время полностью непроезжая.

Станиславу Лему это совсем не мешает. Он никуда не собирается, по крайней мере физически. Но через мгновение в воображении он воспарит к звёздам, потому что эти несколько часов до рассвета, когда все домашние ещё спят, его любимое время для творчества. Воображению не мешают заснеженные дороги.

Сейчас его ждёт первое действие этого дня — растопка печи. Лем выскальзывает из своей комнаты на втором этаже. По терразитовым ступеням он спускается на первый этаж, где в своей комнате спит тёща, а в столовой на разложенном кресле спит девушка из деревни, которая в доме Лемов готовит и убирала. Если настоять, то можно было ей поручить растопку

коксовой печи. Для этого действительно нужна мужская сила, но этим девушкам, нанятым в деревнях под Краковом, благодаря невероятному количеству родственников и знакомых его тёщи, может не хватать чего угодно, но только не физической силы.

Кроме того, поручать ещё одну обязанность для девушки было бы рискованным: она могла попросту уйти, как и её предшественницы. Семья не может позволить себе платить ей достаточно много, чтобы удержать на дольше. В конце концов, все они находят себе где-то в Кракове лучшую работу и поиски приходится начинать сначала. Их текучка такая быстрая, что Лем даже не хочет запоминать имена очередных девушек.

Есть ещё два повода, по которым Станислав Лем охотно берёт на себя обязанности по разжиганию центрального отопления в собственном доме. Во-первых, ему сорок. В этом возрасте мужчина охотно хватается за «мужские» задания в предчувствии, что это последнее десятилетие в его жизни, когда он ещё может свободно это сделать. Предчувствует, что близится то время, когда он не будет для семьи тем сильным, эффективным переносчиком тяжестей и универсальным решателем проблем, а сам станет проблемой и бременем. И он хочет насладиться каждым днём физической силы.

Во-вторых, уже какое-то время Барбара Лем, заботясь о его состоянии, старается, чтобы её муж похудел. Прибегает к различным методам: поощряет физические нагрузки и ограничивает его в еде.

Станислав Лем не спорит. Он не сомневается в необходимости похудеть. На самом деле, у него нет диплома, но он окончил медицинский так же, как и его жена, которая часто повторяет, что Сташек, несмотря на отсутствие диплома, знает о медицине больше, чем она. И это не обычная любезность, Лем маниакально

постоянно что-то читает, и в том числе медицинскую литературу.

Короче говоря, он сам хорошо знает, чем грозит ему лишний вес. Потому, когда на обеде вся семья ест второе блюдо, он довольствуется только супом. Мозг и сердце говорят ему слушать семью, но желудок — это орган, который руководствуется собственными правилами. И это именно он вырывает Лема из сна.

Ступени в подвал ещё не облицованы. Станислав Лем спускается во мрак по голому бетону. Он толкает крепкие двери, сбитые из досок и закреплённые тремя балками, образующими букву «z». Он включает свет, но его первые шаги не к котлу. Он поворачивает в гараж.

В багажнике лежат покупки, которые он сделал вчера в Кракове, в своём любимом «овощном» на улице Долгой, когда кружил по городу, ожидая, пока жена закончит работу и они вернутся домой на святое обеденное время (тринадцать тридцать, как и каждый день). Лем, как обычно, до этого времени управлялся с разными делами — от шопинга до чтения международной прессы в отелях.

Вчера в «овощном» он купил два отличных немецких марципановых батончика. На самом деле, ему нельзя их есть, но никто не видит, все ещё спят. Лем поспешно съедает их и направляется из гаража в кладовку. Он прячет обёртки за шкафом, который закреплён у стены, поэтому никто никогда не раскроет его диетической трансгрессии, безупречного сладкого преступления.

На мгновение он задумывается о том, каким абсурдным является покупка сладостей в «овощном», который в теории должен продавать овощи и фрукты. Это как поехать в банк, чтобы купить машину, или в отель, чтобы купить «Геральд»? И в таких абсурдах проходят дни Лема.

Может, сделать из этого сатирический рассказ? О какой-то планете, на которой Ийон Тихий пытается де-

ать покупки в слегка завуалированном мире коммунистических абсурдов? А может, это не должна быть планета? Время от времени на карте мира появляется какое-то новое государство в рамках деколонизации — может, сделать из этого вымышленную страну где-то в Азии или Африке?

Однако эта мысль быстро улетучивается из головы Лема. Нужно наконец сделать то, зачем сюда пришёл. Он выгребает из котла лопатой вчерашнюю золу и пепел. Около дверей он набрасывает плащ и обувает резиновые сапоги — он выглядит сейчас как Франек Ёлас из Нижних Мычисок, а не краковский писатель — и продирается через свежие сугробы к калитке.

Он высыпает пепел на дорогу и, продрогший, возвращается домой. В котельной он обнаруживает, что кокс как всегда замёрз (помещение влажное и не обогревается) и его не удаётся набрать на лопату.

Он берёт широкое долото, свой основной инструмент труда, как кочегар, шутиливо описанный в «Седьмом путешествии Ийона Тихого». Это специальный кованный прут. Тихий мешал им в атомном котле (а также сражался им сам с собой во временной петле за то, кто съест последнюю припрятанную плитку шоколада — четверговый Тихий, пятничный Тихий или, может, самый опасный из них всех, потому что самый опытный, воскресный Тихий). Лем разбивает прутом замёрзшие глыбы кокса и угля. Очевидно, как Тихий, он бы тоже героически сражался за запасы в кладовой, даже сам с собой. В каком-то смысле он каждый день это и делал.

Бах! Бах! Бах! Печь ещё не затоплена, но писатель уже разогрелся. Он засыпает раздробленный шлак, тянется за канистрой с бензином, брызгает на чёрные комья. Щёлкает зажигалкой.

Бум!

Бензина, как обычно, он льёт слишком много. Он всегда ругает себя за расточительство, но это как со сладостями, это сильнее его. Батончик и взрыв, разве можно более приятно начать трудовой день?

Лем греет руки возле гудящей печи. Как только он вернётся в свою комнату, сразу же сядет за машинку. У него есть ещё три часа спокойного времени, потом весь дом проснётся и снова нужно будет ехать в Краков.

О чём сегодня... Поднимаясь по ступеням, Лем думает о недавно прочитанной статье — она так его поразила, что он даже не помнит, где именно прочитал её — в «Геральде» или «Ньюсуике»? — про то, что американское правительство заказало в *RAND Corporation* проект сети связи, узлами которой будут компьютеры.

Компьютер уже не как самостоятельный электронный мозг, а как коммуникативное устройство! Как обычно, то, над чем работают настоящие инженеры, является интереснее, чем вымысел фантастов. За ближайшие полвека цивилизация полностью изменится — медиа, отношения между людьми, стиль работы. Почему никто о таких вещах не пишет?

Вчера Станислав Лем говорил об этом Яну Блоньскому, когда тот пришёл с традиционным вечерним визитом. Разговор, как обычно, начался достаточно мило, Блоньский говорил о Прусте, Лем — о компьютерной сети, но вскоре разговор перешёл в скандал, потому что Блоньский упрямо не хотел признавать, что вопрос о том, как компьютеры изменят цивилизацию, важнее, чем вопрос о том, как Прусту удалось передать сущность человеческой природы на страницах «В поисках утраченного времени».

Какую люди могут иметь «сущность природы», когда скоро начнут вмешиваться в генетический код, а уже сейчас можно изменить свою сущность, например используя наркотики? Естественно, чем отчётливее были

железобетонные неопровержимые аргументы Лема, тем сильнее Блоньский повышал голос.

Хозяйка дома, пытаясь предотвратить скандал, изменила тему на что-то нейтральное и общее для обоих литераторов: перспективы газификации, а также асфальтирование улицы, которая при хорошей погоде соединяет их предместье с Краковом, а при плохой — эффективно отделяет. Блоньский, однако, вместо того чтобы радоваться прогрессу, начал огорчаться по поводу того, сколько ему будет стоить газовое оборудование и откуда он на это возьмёт деньги.

«Может, это было и нехорошо с моей стороны, — подумал Лем, — что я ответил, что, тьфу, мне хватит написать два рассказа и я установлю газовое оборудование, но Блоньский всё равно не должен был так реагировать!» Он взорвался, встал, начал махать руками и сказал, что думает о творчестве хозяина дома — это обычная чепуха, написанная только для денег, которая никогда, никогда не будет причислена к канонам польской литературы.

«Об этом мог бы и промолчать, мой так называемый друг», — подумал Лем, садясь за печатную машинку.

Последнее предложение звучит так забавно, что в последнюю минуту писатель меняет планы. Он вложил его в кибернетические уста Трурля, литературного героя, написание которого доставляет ему много радости. Трурль — робот, конструирующий других роботов. Его сосед Клапауций занимается вроде бы тем же самым, но это их единственная общая черта.

«Интересно, Блоньский когда-нибудь поймёт, что чем больше он пытается меня задеть, тем больше у меня идей для описания споров Трурля и Клапауция?» — думает Лем и сразу же себе отвечает. Ни один полонист не относится к фантастической литературе серьёзно. И это хорошо, поскольку автор может себе

позволить всё, и на его произведения не обратят внимание ни критики, ни цензоры.

А Трурль и Клапауций в следующих рассказах борются против самых разных угнетающих их тиранов, разных Жестокусов, Свирепусов и Мандрильонов. Аллюзии всё более очевидные, но цензура это пропускает, хотя где-нигде и было за что прицепиться. Довольный выходкой, которой он отплачивает в следующем рассказе своему самому близкому другу и всему миру, Лем начинает стучать по кнопкам.

Мерный стук машинки наполняет весь дом. Домашние даже если и просыпаются, то только для того, чтобы перевернуться на другой бок, зная, что сейчас только четыре утра и у них ещё есть пару часов на сон. Они привыкли спать в таком шуме, скорее их беспокоила бы тишина.

* * *

Самое время, чтобы изложивший эту историю всезнающий рассказчик разоблачил себя. Где-то в первой половине шестидесятых, когда Лем создавал свои самые важные произведения, действительно могло случиться такое утро. Я составил его из реальных моментов — но я не знаю, произошло ли это. Не знаю, действительно ли прут из котельной стал образцом арматуры из «Седьмого путешествия» и спор Лема с Блоньским о техническом прогрессе стал вдохновением для перепалки Трурля (энтузиаста) с Клапауцием (скептиком).

На основании собранных материалов мне кажется, что это вполне правдоподобно, но у меня нет доказательств. Нет подтверждений даже тому, действительно ли Лем украдкой поедал сладости в подвале. Известно только, что во время капитального ремонта того подвала из-за шкафа высыпалась куча обёрток, изготовленных в шестидесятых и семидесятых годах, но ни один